

Борис Горзев

УБИТЬ ЦЕНЗОРА!

Повести от первого лица

Борис Аркадьевич Горзев

Убить цензора! Повести

от первого лица (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12833743

Убить цензора! Повести от первого лица: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2015

Аннотация

В новой книге Бориса Горзева – три повести, и все они написаны автором от первого лица. А как известно и как действительно свидетельствует литература, подавляющее большинство прозаиков пишут свои произведения от третьего лица. И это неспроста.

А тут, у Горзева, специально подобраны повести, написанные от первого лица. Почему? «Бойтесь первых порывов – они самые искренние», – учил молодых дипломатов матерый лис в этой области знаменитый министр иностранных дел при многих правителях Франции Талейран. А Горзев, хоть и не дипломат, тут не убоился: хотелось искренне, интимно, духовно чисто. Поэтому тут всё, что случается в жизни: и интимно-любовное, и исторически реальное (то есть бывшее в действительности), и забавное, и драматичное, местами даже трагическое, но всё это правда. Реальные исторические события, бывшие в нашей

стране и за ее рубежами в XX веке, чередуются с авторским вымыслительством (это мы иронизируем, вспоминая обмолвку Третьяковского: «Сочинитель – вымыслитель есть»). Короче, Горзев сочинял, но от первого лица, и все это правда, хотя частично и вымысел. Интересная проза!

Интересная, хотя как для кого. Читатель – он тоже разный. Вот у Горзева уже давно свой читатель, немногочисленный, но духовно ему родной. Впрочем, для интеллектуальной прозы так и положено.

Содержание

Убить цензора	6
Послесловие	67
У девушки с острова пасхи...	71
1	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Борис Горзев
Убить цензора! Повести
от первого лица

© Горзев Б., текст, 2015.

© «Геликон Плюс», макет, 2015.

Убить цензора

С Агне, моей подругой, я знаком уже два года, отношения у нас хорошие, даже прекрасные, но вот чтобы предложить ей вступить в брак, как-то не складывается. У меня не складывается. То есть нет серьезного намерения. То есть пока не тянет обзаводиться семьей. Агне тут ни при чем, дело во мне. Впрочем, неизвестно, как она сама на это смотрит: может быть, ее тоже устаивает такая ситуация. А что – теперь так у многих молодых пар: подождем еще, посмотрим, как будет, да и лишних забот не хочется. Семья – это нечто другое, серьезное, проблемное. Жилье, ребенок, хлопоты. Подождем. Пока мы молоды, пока лишь отыграли увертюру. Институт позади, жизнь, по сути, только начинается.

А познакомились мы так. Очень интересно. Хотя, как я понял, интересно почти всякое знакомство, если оно не на одну ночь. На этом интересе замешана половина литературы, а может быть, и больше половины. Читателю всегда жуть как любопытно. Поэтому пролог должен быть захватывающим, многообещающим. Ты весь в предвкушении. И хотя догадываешься, чем это кончится, но думать о том пока рано – пока пролог, начало, а вот после него, ясно, пойдет рутинная – брак, дети, проблемы.

Да, после – банально. Поэтому многие романы и кинофильмы заканчиваются как раз вовремя: после всяких пре-

град, разлук или недомолвок мужчина и женщина наконец соединяются, они теперь вместе. А вот что будет с ними потом – это за пределами повествования или кинофильма. И ясно почему: потом, повторяю, рутина. А вот знакомство, период схождения двух людей – это у каждой пары все-таки по-своему, тут возможны всякие неожиданные коллизии, интересные моменты. Поэтому, если позволить себе переделать известную фразу Толстого про то, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему, то можно сказать так: всякая жизнь после брака похожа одна на другую, а вот их начало интересно по-своему.

Вот и у нас с Агне вышло интересно.

После окончания вуза меня приняли в научный институт, в аспирантуру, и я получил диссертационную тему. Как и положено, поначалу следовало начитать литературу по своей проблематике. Компьютеры тогда только входили в обиход, Интернета еще не было, поэтому по старинке пользовались библиотеками, где в наличии отечественные и, главное, зарубежные научные журналы, монографии и тому подобное. Это отнимало уйму времени, не то что теперь, когда, сидя дома перед экраном ноутбука, можно ознакомиться практически с чем угодно, что есть в открытом доступе.

Короче говоря, в первые полгода аспирантуры я стал постоянцем библиотеки Ленина (проще – Ленинки), ее 4-го

читального зала, научного, и, как и многие тут, даже облюбовал свой уголок, то есть конкретное кресло за конкретным длиннющим столом. Благоговеющая тишина, уютный свет настольных ламп. По ковровым дорожкам проходов – еле слышимые шаги ученых разных мастей и возрастов. Так я и жил тут, заявляясь в Ленинку часам к одиннадцати три-четыре раза в неделю...

В то утро я сразу удивился, потому что не обнаружил моего всегдашнего соседа по левую от себя руку. С ним я и слова не сказал, но все эти месяцы он уже сидел, когда я приходил, и еще сидел, когда я уходил, сидел, не поднимая головы от разложенных перед собой каких-то рукописей, из которых, как я заметил краем глаза, делал выписки. Уютный сосед, почти пожилой, в потертом пиджаке, но при галстукке. Будто глухонемой, почти неподвижный (я не замечал, чтобы, в отличие от многих, и меня тоже, он хоть изредка отлучался в буфет, или туалет, или курилку). В общем, сосед – как предмет мебели, к которому привыкаешь и уже не обращаешь на него внимания.

Так вот, место соседа пустовало, и в течение того дня это кресло почему-то никто так и не занял. Ну и ладно, нет так нет. Но когда я пришел в Ленинку послезавтра, в кресле соседа восседала молодая блондинка в свитерке с очень симпатичным круговым орнаментом. Перед ней лежала стопка журналов, которые, один за другим, она внимательно просматривала и тоже, как и бывший хозяин этого места, делала

выписки.

Я уселся рядом, разложил перед собой предварительно заказанные в коллекторе статьи и начал работать, то есть читать, переводить и делать записи.

И всё бы ничего, но эта молодая дама никак не походила на предмет мебели, ибо время от времени тихонько (но все-таки хорошо слышно) издавала всяческие междометия, вздыхала и дергала головой. Не приученный к подобному здесь поведению, я несколько раз косился на нее, но молчал, поскольку, признаюсь, мне нравился этот симпатичный профиль и аккуратная стрижка блондинистых волос. На меня же она вовсе не реагировала, явно увлеченная своим делом.

Так прошел час или полтора, я сходил в курилку, а когда вернулся, ничего не изменилось. Нет, вру, изменилось: к изредка произносимым междометиям и всяческим вздохам добавилось ритмичное постукивание шариковой ручкой. Ручка постукивала о столешницу. Вот это уже стало раздражать. Стук и ритм. Я ничего не мог с собой поделать: начал навязчиво считать удары и вскоре определил, что после седьмого удара следует пауза на пару секунд, а затем – новые семь ударов. Мне даже сделалось интересно, что означает такая ритмика. Этот интерес несколько пригасил раздражение, но спокойно работать, как бывало тут обычно, я уже не мог.

В общем, мне пришлось обратиться к ней, а точнее, нарушить то ли ее покой, то ли священнодействие.

– Простите, мне это несколько мешает.

Она вздрогнула от неожиданности и повернула ко мне голову. Серые глаза, почти бесцветные брови, такие же губы ниточкой, однако мордашка все-таки симпатичная. И белокурая челочка во весь лоб.

– Ой, что? Не расслышала... – произнесла она довольно громко.

Я приложил палец к губам – дескать, тише!

– А! – закивала девица. – Поняла, поняла, да! – И улыбнулась застенчиво, виновато, как нашкодивший школьник. – Так что вы, не поняла?

Она мне сразу понравилась, и я решил не говорить ей, почему нарушил ее покой. Точнее, священнодействие, потому что в ответ на мое любопытство, что же она так увлеченно штудирует, ее шепот поведал следующее. Читает она Проппа (кто это такой, я тогда не знал; интересно, а кто тогда знал, кроме всяких историков или лингвистов, интересовавшихся легендами, мифами и сказками?), сейчас конкретно читает его статью про всемирные фольклорные варианты Эдипова комплекса, а до того, сообщила мне еще, причем явно с удовольствием, читала его, Проппа, работы про архетипы волшебных сказок – ну понимаете, добавила, из той старой, изданной еще сразу после войны книги, теперь ее нигде не достать. Нет, это не детская литература, рассмеялась она тихонько в ответ на мой вопрос, это серьезный научный анализ, если конкретно, структуралистский. «А что это такое – структурализм?» – заинтересовался я, забыв о литобзоре

для будущей диссертации. . .

Вот так мы познакомились и сошлись – на Проппе. То есть на анализе архетипов волшебных сказок, на структурализме, Юнге и Фрейде. Об этих последних я всерьез узнавал уже на улице, на Арбате и в Александровском саду, потому что, похоже, нам обоим показалось, что Ленинка сегодня вполне обойдется без нас.

Тогда я был довольно любознательным, и многое меня интересовало, особо то, что не укладывалось в систему вкусов властей. Многие не укладывались – к примеру, те же Фрейд, Юнг и Пропп, поэтому достать что-то из ими написанного практически не представлялось реальным. Однако в тот день (да и в последующие дни) дело было не столько в этих, далеко не популярных у нас ученых, сколько в моей новой знакомой.

Выяснилось, она студентка истфака МГУ, учится на последнем курсе, но, в отличие от меня, не стремится в аспирантуру и вообще к научной деятельности, а желает преподавать историю в школе. Вот так, всего-то. Это, сказала, наследственное, от мамы. Мама всю жизнь была учительницей, почти до самой смерти несколько лет назад. Учила детей географии и тем была в ладу с судьбой. Вот и дочка ее хочет быть учительницей, только не географичкой, а историчкой. А как же знать историю без мифов и легенд? Отсюда и увлечения, отсюда и просиживание в библиотеках. Ясно, речь об

истории мировой, а не об истории СССР, хотя последняя тоже сплошь на мифах, но тут уж другое дело, тут даже не мифы, а создание мифологического мышления в массах. И, усмехнувшись, глянула на меня – дескать, как прореагирую. Я нормально прореагировал, то есть маленький экзамен выдержал. Так, еще не став близки физически, мы стали близки идеологически.

Но дело не только в этом. Начну с начала, с имени. Ее звали Агне. Имя и чудное, и чуждое. Эстонский вариант от «Агнесс» или «Агнесса» (потом я узнал, что в переводе с древнегреческого это значит «чистая, святая»). Именно эстонский вариант, потому что сама Агне наполовину эстонка, по матери, той самой географички – увы, покойной. Вторая половина – русская.

Теперь – как это вышло. Преинтересная история.

Мама, тогда еще молодая девица, жила с родителями в Тарту, где училась в тамошнем, известном всей Европе университете. И доучилась бы, но тут осенью 1944-го Эстонию освободили от немцев, вновь наступила советская власть и стало не до учебы, потому что арестовали отца мамы (то есть деда будущей Агне), профессора медицины того же университета. Но не расстреляли, а собрались выселять в Сибирь вместе со всем семейством – так же, как принялись выселять многих прибалтов, особо из интеллигенции. И выслали бы, если бы не будущая мама Агне, а точнее, ее возлюбленный.

Это отдельная история, прямо для киномелодрамы. В со-

ставе воинов – освободителей Эстонии, в частности города Тарту, был некий майор политотдела одной из армий 1-го Прибалтийского фронта. Каким-то образом судьба свела его с девушкой-эстонкой (будущей мамой Агне). Они успели полюбить друг друга, однако война покатила дальше на Запад, а майору, напротив, приказали отбыть на Восток, в Москву, в распоряжение Главного политуправления Красной армии (за какие заслуги такое повышение, Агне так и не знает до сих пор). Майор отбыл, а вскоре в Тарту началась та самая высылка интеллигенции в Сибирь. Бедная будущая мать Агне презрела девичью и национальную гордость и написала в Москву своему Ромео, который при прощании клялся-божился, что приедет за ненаглядной Джульеттой и заберет ее в столицу. Значит, Джульетта обратилась к освободителю-поработителю, чтобы он помог спасти семью от таких же, как он сам. И что вы думаете, спас!

Сначала по своим каналам он поспособствовал тому, чтобы в Тарту поступило указание данную семью не трогать, а сам действительно прикатил за любимой, точнее, не прикатил, а прилетел. И забрал ее в Москву. И там женился на ней. И через год родилась Агне (отец столь безумно любил иноплеменную супругу, что сразу согласился наречь дочурку ненашинским именем, лишь бы сделать очередной подарок молодой маме). А сама мама потом закончила в Москве пединститут и стала учительницей географии. А ее родители оставались в Тарту, где и прожили свой век, не слишком

хорошо, но и, слава Господу, не так уж и плохо.

Вот почти и всё. Дальше уже не для кино. Несколько лет назад у мамы Агне обнаружили серьезное заболевание, и, не доработав совсем чуть-чуть до пенсии, она скончалась. Отец, бывший освободитель (с середины 60-х в отставке в звании полковника и при больших орденах), сильно переживал, но еще долго работал в каком-то учреждении, однако в конце концов уволился, то есть стал пенсионером окончательно-бесповоротно, и вскоре перебрался жить на свою подмосковную дачу. Там и бытует постоянно, с любовью занимаясь садом-огородом, отчего в московской квартире, то есть у живущей одной Агне, всегда в досталь всяких закрученных банок, плодов и даже соков. А что – отец усядется за баранку своих «жигулей» и в очередной раз доставит дочери то мешок собственной картошки, то мясо парное с деревенского рынка, то яйца из-под собственных курей, то компоты всякие, то что-то еще.

Вот такая история, такие судьбы в этом русско-эстонском семействе, история романтически-героическая, горькая и счастливая, с войной и странным миром. Но в какую сторону ни поверни, а и впрямь как кино, согласитесь.

Как не влюбиться в такую девушку с чудным-чудным именем, да еще при такой биографии, да еще симпатичную, натуральную блондинку, да еще студентку истфака МГУ, питающую интерес к какому-то Проппу, а иже с ним Фрейду и Юнгу? Теперь она уже не будет отстукивать шариковой руч-

кой по столу в читальном зале Ленинки, выводя своеобразный ритм (оказалось, ритм знаменитой мелодии Чика Кориа, легенды джаза), и тем мешать серьезному аспиранту, будущему кандидату биологических наук.

В первые месяцы после знакомства наше с Агне житье-бытье получалось тоже чудным-чудным: неделю я у нее, неделю она у меня, потом неделю каждый сам по себе, и всё снова. Это вечерами и ночами. А днями мы иногда встречались тоже, например в той же Ленинке (она готовилась к диплому, я продолжал штудировать научную литературу, а потом принялся за написание литобзора к диссертации), а помимо этого мы иногда ходили то в кино, то в кафе, то просто шлялись по любимым московским местам, если баловала приятная погода.

Так истек почти год нашего общения. Всё прекрасно – и с Агне, и с работой над диссертационной темой, да и вообще жизнь вполне неплоха. Шел 1980-й, и тогда случились два события, оба в Москве и оба летом, в июле: Олимпиада и смерть Высоцкого. Были и другие события, но мелкие, и мне казалось, что мы живем в консервной банке, где ничего не меняется и никогда не изменится, наш генсек стар, но бессмертен, и если про него возникают всё новые анекдоты, то, значит, у народа не иссякает чувство юмора, а это, как говорят психологи, свидетельство оптимистической окраски перспективы.

Вот как раз незадолго до открытия той самой Олимпиады Агне предложила мне поехать в Эстонию, в Тарту, в виде летнего отпуска, так сказать. А что, хорошая идея, тем более там я никогда еще не бывал, и остановиться есть где, потому что в Тарту еще живет тетка Агне, сестра покойной мамы. И в середине июля мы поехали.

Мы поехали поездом, но не до Тарту, а до Пскова. Так придумала Агне, а почему, сейчас расскажу.

С псковского вокзала доехали на автобусе до причала на реке Великой, а там сели на «ракету» и поплыли-полетели: из Великой – в Псковское озеро, из него через широкую протоку – в Чудское, потом, еще часа через полтора, вошли в устье реки с очередным чудным для меня названием Эмай-ыги (что значит «Мать-река») и вот уже по ней доплыли до маленького речного порта в Тарту. Чудесное путешествие при отличной (повезло!) погоде. В ходе этого путешествия на «ракете» Агне сказала, указывая за борт:

– А вот здесь, именно здесь, происходило легендарное Ледовое побоище. То самое, которое в 1242 году. Когда ваш Александр Невский немецких рыцарей разбил.

– Почему это «ваш», а не «наш»? – всё-таки спросил я для приличия.

– Ну наш, если хочешь, – милостиво согласилась Агне, рассмеялась и добавила: – Это спорный вопрос. А вот что бесспорно, так то, что против Невского сражалось войско Ливонского ордена, а вот кто за него?

– За кого?

– За вашего-нашего князя Невского. За него – ну помимо малочисленного и кое-как вооруженного новгородско-псковского ополчения, то есть бедноты и оборванцев? Так вот, за Невского сражались ордынские полки, татары-монголы. Это так Орда помогала Руси, союзнице. Потому что всякие там пришлые на Русь, то есть эти самые ливонцы, Орде на фиг были не нужны. Вот и вся политика, понял?

Я понял. И запомнил. Все-таки выпускница истфака МГУ рядом со мной. Девушка с понятием и светлым юмором. И ко мне очень ласково относится. И мы с ней всегда находим общую позицию – будь то в вопросах истории-идеологии, будь то в процессе интимного общения, когда позиция очень важна и приятна.

Но сейчас речь о нашем отпуске. Чудесно было. Тарту мне очень понравился. Уютно, чисто, ухожено. Явно университетский городок – тихо, пристойно, как-то каменно-спокойно, никакой помпезности, камерно. Всякие памятники. Например, Карлу Бэру, знаменитому эмбриологу, который тут учился и работал. Еще – полководцу Барклаю де Толли, жившему в Тарту в имении жены. Ну и памятники другим прочим. Короче говоря, местные люди чтут старину. Она хорошо сохранена, поскольку всякие чужеземцы здесь ни на что не покушались – ни датчане, ни те самые ливонцы, ни немцы в последнюю войну, ни наши за ними. В общем, есть на что посмотреть.

Мы смотрели, я – особенно, поскольку Агне всё это видела уже неоднократно, бывая здесь с мамой. Странно или нет, но из всего пересмотренного в Тарту мне более всего запомнилась одна из церквей, а точнее, кирха. Это Приход Святого Петра, проще – Петровская церковь, лютеранская. Темно-красного камня, высокая, с белыми шпилями. Кругом пышная зелень, и эти белые острые шпили с крестами видны издалека, а когда, посмотрев, идешь назад по спуску улицы, то чувствуешь спиной, как шпили тебя еще видят и будто провожают, провожают.

Через неделю мы покинули Тарту и на автобусе поехали в Отепя, совсем уж тихий городок у небольшого озера Пюхьярве, где прожили еще неделю в снятой комнатке на хуторке прямо на берегу. Купались, катались на лодке, а по вечерам заглядывали в местный ресторанчик, где, несмотря на наличие посетителей, было спокойно и даже странно тихо, чему способствовало отсутствие громкой музыки, но присутствие одинокого пианиста за роялем. Да и недорого было, даже наших скромных денег вполне хватало на легкое вино, кофе и обязательно роскошные взбитые сливки со всякими там кусочками ананаса, или клубникой, или цукатами. После всего этого в Москву как-то не тянуло. Зато тянуло танцевать, и мы с Агне долго кружили под классно исполняемые пианистом блюзы. Вы когда-нибудь танцевали с натуральной блондинкой блюзы? С молодой, довольно худенькой, очень стройной? Если нет – рекомендую...

Напоследок мы вернулись на два дня в Тарту, к тетке моей Агне. Кстати, тетя по-эстонски звучит почти так: тэди. «Почти» – потому что первую гласную лишь приближенно можно записать как «э», а самом деле это что-то непередаваемое для русского написания. Ну ладно, будем писать «тэди», я так и обращался к тетке – просто тэди, без имени, как обращалась к ней моя Агне.

Жила тэди в трехэтажном доме желтоватого кирпича, несомненно старого, прошлого века. Агне рассказала мне, что ее дедушка Ивар, профессор медицины, хирург, имел в этом доме с десятков комнат и даже держал прислугу, но было это до прихода Советов, конечно. Потом его ждала Сибирь, но ситуацию выправил майор Главпура Красной армии (по совместительству Ромео его, профессора Ивара, дочери).

Этого самого Ромео (а проще – отца Агне), как я понял, не раз поминали за столом в последний вечер, когда мы ужинали. Агне и тэди беспрерывно говорили на эстонском, потому что на русском тэди знала лишь десять-двадцать слов, в том числе «извините», и всякий раз произносила, адресуясь ко мне: «Извините, я русский... нет, нет, нет». Что делать – я извинял, ибо понимал, что тетке и племяннице надо наговориться перед очередной разлукой, а тетка уж старушка как никак.

Тот вот, занимаясь только едой, то есть будучи освобожденным от общей беседы, я не раз слышал слово, которое хорошо узнавал: «Федор». Ну да, понял сразу, это они говорят

об отце Агне, муже теткой сестры-покойницы. В общем, это самое «Федор» постоянно звучало в торопливых речах тэди и произносилось оно явно доброжелательно, хотя о чем шел разговор, я понять, конечно, не мог.

Уже ночью я спросил Агне:

– Об отце говорили?

И услышал в ответ:

– И о нем тоже. Знаешь, тэди его очень хорошо поминает. Смешно: когда в 44-м заметили, что у них с мамой завязался роман, скандал был жуткий, дедушка просто бушевал. Ну как же, дочка с оккупантом сошлась! А потом, когда именно этот оккупант спас дедушку и всю семью от Сибири, вот тогда отношение к папе резко изменилось.

– Это понятно, – заметил я голосом знатока жизни.

Агне усмехнулась и продолжила:

– Кстати, а как и когда всё это выяснилось – про маму и ее тайный поступок? Лишь через пару месяцев, потому что о письме в Москву мама никому не говорила, представляешь? И об этом узнали, лишь когда отец прикатил за ней в Тарту, чтобы забрать в Москву. Да, вот тогда дедушка помягчал и даже простил дочери, что выйдет замуж за этого русского и уезжает с ним в большевистскую столицу... В общем, папа был тут очень почитаемым человеком, особенно для тэди... Но вот что еще смешно и грустно: это было только внутри семьи – тогда было, тогда! – а теперь, когда от семьи осталась одна тэди, то... Понимаешь, остальные местные, во всяком

случае большинство, они относятся к русским по-другому.

Тут Агне улыбнулась сквозь тьму и сказала:

– Это я к чему? Это я к тому, что любовь больше людей, выше людей. Люди – животные, а любовь от Бога и Святой Девы. Понял?

Кажется, я что-то понял.

Мы вернулись в Москву через неделю после закрытия Олимпиады. И узнали главное – про смерть Высоцкого. Агне выделила свое: «А какие он песни-сказки писал! И как их пел! Да эти песни надо собрать вместе и отдельный диск сделать! Ведь эти его сказки – вся суть русского, именно русского человека! Понимаешь?»

Вот это я хорошо понимал...

А еще через несколько дней, с утра в субботу, мы поехали на дачу к отцу Агне – «отцу Федору», как я называл его в шутку.

Еще прежде Агне не раз говорила, что отец зазывает нас к себе, и почему бы, предлагала, нам не съездить туда, к нему на дачу. Но мне было как-то неловко. Это понятно: папаша моей подруги (так сказать, любовницы), с которым мы незнакомы. Но тут, после поездки в Тарту, появился повод принять приглашение – ну хотя бы потому, что есть общая тема для беседы. Какая тема? Родина его покойной жены – Эстония и конкретно Тарту, места, где «отец Федор» когда-то воевал и где встретил будущую мать моей (нашей с ним) Агне.

В общем, есть общая тема для разговора, слава богу.

Ехать надо было до станции Радищево по Ленинградской дороге. Доехали, а там, прямо у поезда, нас встретил этот самый Федор Иванович и повел к оставленной за платформой машине – выдавшим виды «жигулям». Сели, тронулись. Впрочем, сначала, конечно, познакомились наконец. Еще красивый дядька, на вид лет под семьдесят, несколько грузноватый, но с заметной военной выправкой, с ухоженной сединой, спокойным лицом, несомненно, уверенный в себе. Пожимая мне руку, сдержано улыбнулся, сказав: «Мне Агнешка говорила о вас, рад, рад, ну пошли к моему тарантасу, ехать до дачи минут десять».

Поехали. Узкая шоссейка, кругом хвойный лес, какой-то глухой, почти таежного вида. Здорово! Наконец маленький дачный поселок, тоже среди леса, вдоль берега реки, название которой, как выяснилось, очень милое – Сестра (она течет отсюда к Клину, а вообще это приток реки Дубны, объяснили мне). Ну а сами дачки, заметил я, явно не для простых граждан, хотя без особого изыска, одноэтажные, вроде бы типично подмосковного вида. Но всё как-то крепко, не на скорую руку. И что еще: глухо, тихо и довольно комфортно. Птицы поют. Большие участки, отделенные друг от друга крепкими заборами. На каждом участке гараж. Вот и у Федора Ивановича так же.

Теперь сама его дача: просторная застекленная веранда, за ней две комнаты, потом кладовка, кухня с туалетом и даже

ванной (отопление от АГВ), а еще есть печка для отдельного согрева или просто для души. Всё это, кроме печки, понятно, из крепкого дерева, из сруба, никакой ДСП или пластмассы. Теперь участок: сосны и ели, а еще большой сад-огород с фруктовыми деревьями и грядками; конечно, летний столик с плетеными креслами, гамак, турник, поодаль сарай с курятником и вольером, в коем шастают курицы с петухом-мужем, – всё, как положено. Из задней калитки – спуск к реке, где узкий песчаный пляж и даже причал для лодки (надувной, чтобы рыбачить или просто поплавать туда-сюда для удовольствия). В общем, хорошая дача, в чудесном месте, которое и глухое, и недалекое от столицы, всего-то около сорока километров.

И тут, обозрев всё это, я вспомнил, что никогда не интересовался у Агне, кем же после войны и до окончательного выхода на пенсию работал ее отец. Как-то мне хватило ее рассказа про brave майора-комиссара (или работника политотдела) и его огненного романа с эстонской девушкой, семейство которой он спас от высылки в Сибирь. На этой love story мой интерес к папаше девушки, с которой я фактически жил, иссякал. Что еще? Кажется, говорила Агне, у отца много наград за войну, вышел в отставку в звании полковника. «И это всё?» – подумал я теперь. Мало ли у нас отставных полковников-орденоносцев? Что, этого достаточно, чтобы иметь такую дачу, машину, очень хорошую квартиру в Москве (в коей, между прочим, он теперь не жил, а оста-

вил дочери, с которой в этой самой квартире я занимаюсь любовью)?

Короче говоря, стало мне вдруг любопытно. Поэтому, когда бывший комиссар занялся в саду подготовкой мангала для шашлыка, я кивнул на участок:

– Федор Иванович, вы не против, если мы еще немного пройдемся тут, посмотрим?

– Конечно, конечно! – обрадовался он. – Берите Агнешку, погуляйте минут десять, поглядите на мое хозяйство, пока я залажу уголья и мясо на шампуры нанизую. Это мое личное священнодействие, без всяких молодых и неопытных.

Молодые и неопытные отправились побродить.

– А почему отец тебя зовет Агнешкой? Это же вроде...

– Да, – не дала она мне завершить фразу, – это польский вариант той же «Агнессы». Так папа зовет меня с детства. А почему? Более нежно, ласково, что ли, как ему кажется. Он вообще меня всегда ласкал и баловал, не то что мама, та строгой была, хоть и очень любила, конечно. А с годами он и вовсе стал каким-то сентиментальным, особенно после смерти мамы и выхода на пенсию.

«Во, пенсия, очень кстати!», – подумал я и спросил, как бы между прочим:

– А кем он работал до пенсии? Ты мне не рассказывала.

– Да? Значит, забыла... Кем? После армии, то есть где-то с середины шестидесятых и до конца, папа работал в Главлите, заведовал каким-то там отделом.

– Ой! – вырвалось у меня непроизвольно. Ну да, как не ойкнуть, когда... когда не что-нибудь, а ГЛАВЛИТ! То есть главцензура! И сразу же вспомнил, как недавно мне говорили в моем институте: после написания автореферата диссертации один его экземпляр необходимо отнести в Главлит на улицу Фадеева, и только когда автореферат благополучно получит «литование», остальные его экземпляры можно рассылать по нужным официальным адресам, а меня самого допустят до защиты, и именно до открытой защиты, ибо существует еще и статус «закрытая защита».

Да, вот теперь кое-что вырисовывается – про квартиру, отличную дачу, машину и так далее. Боевые заслуги, высокое звание, хорошая воинская пенсия – это понятно, однако еще и Главлит! И не просто мелкий там служака, а завотделом! То есть номенклатурная должность, ибо, насколько я знал, данное учреждение по охране нас от всякой идеологической мерзости, равно как и охране государственных тайн, существует при Совете министров СССР.

Вот, значит, как – Главлит! Поэтому, чтобы как-то отреагировать на полученную информацию, почесал в затылке и хмыкнул:

– Да, не слабо – Главлит!

– Ага, не слабо, – в ответ усмехнулась Агне. – Я, когда умом созрела, иногда начинала спорить с папой, а он только смеялся. А однажды был случай... ну, это после той известной истории со Стругацкими... да, был случай, когда мы

чуть не поссорились, причем впервые, и папа мне сказал: «Ты уже взрослая, поэтому я в твои дела не лезу – ни в личные, ни по твоим занятиям. Вот и ты не суди меня за мои занятия и за мои дела. Поживешь еще десяток лет, многое поймешь».

– И что – поняла? – уже серьезно спросил я.

– Угу, поняла. Да так поняла, что решила: больше с отцом спорить не буду и вообще никогда не заведу разговор на эту тему. Потому что я его очень люблю – что бы он ни делал и как бы ни поступал. Да, очень люблю. А любовь...

– Да-да, помню. Любовь больше людей и выше людей. Люди – животные, а любовь от Бога. Так? Правильно я запомнил?

– Правильно. Только с добавкой. Любовь от Бога и Святой Девы, сказала я.

– А, понял-понял!

Агне, кажется, надулась:

– Да, я лютеранка, как мама. Зачем же иронизировать, ты же умный человек!

– Прости, милая! – я спохватился и обнял ее. – Прости, мне приятно всё твое, и всё твое я принимаю. Прости меня!

Это было чистой правдой. Мы поцеловались и медленно пошли в ту сторону участка, откуда уже разносился дымок и запах готовящегося на углях шашлыка...

Когда уселись за столиком в саду, я приказал себе выбросить из головы этот самый Главлит, думать о том, что любовь

от Бога и Святой Девы, а лучше вовсе не думать – насыщаться и напиваться, тем более что шашлык у Федора Ивановича вышел отменным. И водка была отменной, то есть кристальной, холодной, прямо из холодильника. К тому же всякие закуски: маринованные помидоры, малосольные огурчики.

– Всё свое, свое! – гордо отмечал хозяин. – Всё, кроме «Посольской», конечно. Спирт я еще не гоню. А надо б попробовать ради интереса! – и рассмеялся, а мы вслед за ним.

– Тебя посадят, папка! – еле проговорила Агне с набитым ртом.

– Меня – нет! Я не для продажи, а токмо за ради процесса.

– Это их не интересует.

– Ошибаешься, доча моя ласковая, их всё интересует, всё!

И это правильно... А не выпить ли нам еще? Мужчинам – водки, тебе, Агнешка, – твоё «Саперави». И по шампуру еще, да?..

Потом мы долго говорили, причем с взаимным удовольствием. Федор Иванович расспрашивал про Тарту и тэди, про нашу поездку по Эстонии, потом про мою работу в институте и будущую диссертацию, потом заговорили о школе Агне, где она начнет преподавать историю уже вскоре, с 1 сентября, потом опять про Тарту и Эстонию, и вдруг Федор Иванович спросил:

– Э, ребятки, вы ведь вернулись после Олимпиады, так? И когда узнали о смерти Высоцкого?

– Уже в Москве, – сказал я.

– Ах, уже в Москве! И как прореагировали?

– С горечью, – ответила Агне дипломатично.

– А вот я с преогромной горечью, – прозвучало в тон этим ее словам, то есть так же горестно. – Давайте помянем его, Володю, – и поднял рюмку.

«Ничего себе!» – подумал я. Хотя приятно слышать такое, даже от большого чиновника Главлита, пусть ныне бывшего.

– Да, я всегда его почитал, – сообщил Федор Иванович, выпив. – Талантище, безусловно! Какой он был артист – большой или средний, не мне судить, хотя я многожды бывал на Таганке, а вот поэт он был высокий. Высокий Высоцкий! Народный человек. Всё не в бровь, а в глаз. Я часто слушал его записи, дома, один. Он и я. Будто один на один.

Ну да, понятно. Если начальник умный, то вполне может даже полюбить такого, такое. Высоцкого. Высоцкого прямо по Высоцкому: «Меня к себе зовут большие люди, / Чтоб я им пел «Охоту на волков».

И тут он меня прямо огорошил – попал в ту же точку:

– Слушайте, а вы помните такую его песню? Э... как она начинается?.. А, вот: «Прошла пора вступлений и прелюдий...» Помните?

Я аж ком сглотнул в горле. А Агне в ответ на вопрос отца пропела:

Прошла пора вступлений и прелюдий.

Всё хорошо, не вру, без дураков.

Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

– Молодец, доча! – хлопнул в ладоши Федор Иванович. – Так вот, я хоть и не звал Высоцкого к себе на дом, но это тоже про меня. Про меня, понимаете?

– Понимаю, – как-то опять без эмоций выговорила Агнэ и опять пропела:

И об стакан бутылкою звеня,
Которую извлек из книжной полки,
Он выпалил: «Да это ж про меня!
Про всех про нас – какие, к черту, волки!»

Теперь Федор Иванович лишь развел руками. Потом все-таки сказал с чувством:

– Агнешка, ты мое золото! Первый раз слышу Высоцкого женским голосом – и так, так! Ты... ты...

Он часто заморгал и даже отвернулся на несколько секунд. Потом прочистил горло, достал платок, высморкался и потянулся за бутылкой.

– Всё, по последней, и пойдем гулять. По бережку реки Сестрицы, потом по лесу – хорошо там, да и погода сегодня просто чудо! Пьем – и вперед, гулять. А вернемся, будем чай пить или кофе, что пожелаете, с вареньями моими всякими. Пьем – и вперед, марш!

Когда мы вернулись, солнце уже клонилось к лесу, и Федор Иванович предложил перебраться из сада в комнату, где стоял круглый обеденный стол. Вот там и будем пить чай-кофе, сказал, и все занялись делами: хозяин – накрывал стол и готовил угощения, я переносил на кухню использованную посуду из сада, а Агне мыла ее в раковине. Наконец расселись. Мы с Агне предпочли кофе, Федор Иванович – чай со смородиновым листом. Пили, пробовали разные варенья. О чем-то переговаривались. Вскоре Агне сказала, что устала после гуляния по лесу, и прилегла на диване. «Вы говорите, говорите, я спать не буду, просто отдохну полчаса, а вы говорите, мне так уютней – лежать рядом и слышать ваши голоса».

Мы с Федором Ивановичем остались за столом друг против друга. И вдруг замолчали. Без Агне сделалось как-то странно обоим, будто совсем мы незнакомы. А и верно, незнакомы почти. Все последние часы нас связывала Агне, а теперь... Она хоть тут же, рядом, но будто мы одни. О чем говорить?

Дверь во вторую комнату была открыта, и я уже давно заметил, что там полки с книгами. Ну да, вспомнил, Агне мне рассказывала, что отец устроил себе на даче второй кабинет (первый был в московской квартире) и перевез сюда много книг. Вот и спросил, можно ли глянуть на них. Естественно, получил соизволение и отправился туда, а Федор Иванович остался за столом.

Да, прямо-таки кабинет, и очень уютный. Всё из дерева: довольно большой письменный стол, полки в три ряда от пола под потолок, низкая софа с торшером в головах, шкаф с зеркальной дверцей (похоже, платяной), а на стенах – разные фотографии в рамочках и какие-то восточные миниатюры, то ли японские, то ли китайские. Перед письменным столом – кресло типа вольтеровского. Да, добротное, уютно, так и тянет сесть тут и работать при настольной лампе, в полной тишине.

Но книги, книги – я пришел глянуть именно на них. Что ж, не огромная, но очень хорошая библиотека, подобранная явно со вкусом. Понятно, что у хозяина была возможность подбирать, лишь бы было желание. У меня тоже было желание, но отсутствовала возможность – я покупал то, что продавалось в книжных магазинах и очень редко (за немалые деньги!) на черном рынке. А вот здесь – здесь в основном то, чем наши магазины не торговали. Значит, хозяин или пользовался некими скрытыми ходами, или привозил из-за границы, куда, как известно, уходили основные тиражи тех изданий, которые, по решению того же Главлита, не подлежали продаже на территории родной страны. Хотя стояли на этих полках и такие книги, которые я просто не смог приобрести из-за их небольшого тиража. Ну а еще, признаюсь, по собственной лени: из-за нежелания записываться в очереди, потом часами стоять в них. Был еще вариант, которым я пренебрегал: сдавать макулатуру, за что полагались абонементы

на покупку дефицитных книг. Впрочем, еще одной возможности Федора Ивановича я, конечно, не учел, ибо это уж из ряда вон.

Я разглядел «Осень в дубовых лесах», сборник рассказов Юрия Казакова. Как я мечтал приобрести эту книгу! Увы, увы... Достал с полки, стал листать и на обороте обложки обнаружил дарственную надпись автора. С ума сойти – раритет! Автор благодарил за понимание, ниже подпись и дата: ноябрь 1969. Тут в кабинет вошел Федор Иванович и увидел, какая в моих руках книга. Удовлетворенно засунул руки в карманы домашней куртяшки и закивал, закивал.

– Хорошая книга, даже отличная. Класс современной русской прозы малого жанра. Наследственность Бунина-Чехова, но не Куприна, нет. А могла эта книга и не выйти. А знаете, из-за какой малости? А в одном из рассказов сборника, как раз в этой самой «Осени в дубовых лесах», отличном рассказе, кстати, есть одно место, если помните... Главных героев, его и ее, таксист везет куда-то за город, в ближайший лесок, чтобы они там... ну понимаете. Помните? Во! Так из-за этого самого места у нас, в моем отделе Главлита, возник жуткий сыр-бор: не «литуем» сборник, настаивают мои сотрудники, если автор не уберет данное место в рассказе или вовсе не снимет этот рассказ, сборник не пострадает – подумаешь, одним рассказом меньше, одним больше!

– Ну да, ну да, – проговорил я, скрывая иронию. Федор Иванович спокойно продолжил:

– Значит, дальше. Вызвали автора. Думаю – и что? А Казаков ни в какую. Это ж ключевое место, объясняет. А знаю, что ключевое, но молчу – беседу ведет мой зам. Зам говорит: «Ключевое место – это что? Как наш таксист соглашается за деньги отвезти любовников в ближайший лесок за город, подождать, пока они впопыхах будут заниматься любовью, а потом отвезет обратно? Это очернение нашей действительности, выставление напоказ нехарактерных для нашего общества явлений». В общем, они остались при своих: мой зам повторял, что это место надо изъять или снять весь рассказ, на что Казаков отвечал «нет» и в конце концов сказал, что отзывает сборник из типографии, где уже ждали команды запускать тираж... На том и расстались, Казаков ушел. Конец. А вот и не конец, решил уже я, взял ответственность на себя как начальник 4-го отдела Главлита, всё задокументировал как надо и приказал «в печать». Вывели тираж – и в книжные магазины.

Вот это да, вот тебе и папаша моей Агне, бывший комиссар и майор Главпура! Я хотел что-то сказать, но меня опередили, потому что, оказалось, словоохотливый хозяин еще не подобрался к кульминации:

– Потом, через какое-то время, Казаков случайно узнал, кому он обязан, позвонил мне в отдел, мы встретились у метро на Маяковской, и я получил в дар вот эту книгу с надписью. Помню, передав ее, он хохотнул: «Спасибо, но кому я обязан? Выходит, Главлиту! Этого не может быть, это как

солнце взойдет на западе, а не на востоке». Я его успокоил, сказав, что всё остается на своих местах, и восходы-заходы тоже.

– И не попало вам, Федор Иванович? – спросил я, улыбувшись, когда мы возвращались за стол в большую комнату. Мне стало хорошо. – Попало небось?

– Никак нет! – прозвучало по-военному, но по-мальчишески озорно. – У меня такая биография и такие хвосты связей в... в некоторых учреждениях, что иногда я мог позволить себе не быть палачом русской литературы. – И засмеялся: – Сильно я сказанул?

– Сильно, папка, сильно, – сладко зевая, подала голос Агнэ и присела на диванчике. – Я всё слышала, а к тому же эту историю еще раньше от тебя слышала. Ты цензор-молодец. А вот со «Сказкой» Стругацких – цензор-немолодец.

– И что? Да всегда быть молодцом невозможно, ты сама знаешь. И давай не будем. К тому же я был прав. Несильная вещь. Негоже для братьев. Несильная, местами смешная, но в целом – злая. Сказка! Сказка должна быть литературой, а это пасквиль, а не литература. Поэтому и сказал твердое «нет». Хотя всё равно ее потом опубликовали за границей, хоть и на русском. Понятно, кто-то привез в Союз. Поэтому кто очень хотел – прочел.

– Я тоже прочел, в фотокопии с «Посева», – сообщил я. – Но можно подробности?

Федор Иванович кивнул на дочь:

– Повествуй, Агнешка, удовлетвори друга сердца, ты же у нас любительница сказок.

– А запросто! – кивнула любительница сказок. – Слушай, друг сердца моего. Стругацкие написали эту «Сказку о тройке» в 67-м году. Договорились о публикации с «Молодой гвардией» и «Детской литературой». Всё шло отлично, но неожиданно братьям сообщили, что оба этих издательства от повести отказываются. Вдруг! Ничего не объясняя! Чья работа – понятно, да, папочка? Но... тогда Стругацкие сделали краткий вариант этой «Сказки» для иркутского альманаха «Ангара», поскольку там сказали: опубликуем! Это было уже в 69-м. Но... опять же «но»! Тираж успели напечатать, однако бдительные товарищи всё тут же изъяли из типографии – и под нож. Хотя и это не всё. Тамошнему главному редактору вlepили выговор, затем уволили. И все-таки несколько номеров кто-то успел вынести. Дальше, понятно, пошел ксерокс и фотокопии. А потом повесть напечатал заграничный «Посев». Конец истории про сказку, налейте мне кофе, а то я еще какая-то полусонная.

– Вот и хорошо, присаживайся к нам. – Федор Иванович даже привстал, ухаживая за дочкой. – И вообще, давайте закроем эту тему про мои подвиги.

Я хотел было мягко запротестовать (до того стало мне интересно), но опередила Агне:

– Закроем, ладно, но все-таки, папка, ты многое не спас, многое. Ну, Казаков – да, а вот, например...

– Например! – перебив, повторил Федор Иванович с иронией. – Да, я многое не спас. Зато и спас. Спас кое-что и кое-кого. Вот мы сегодня вспоминали Тарту. А если бы тогда я не был в политотделе фронта, кто бы спас маму и ее отца, всю их семью? И где бы ты была в таком разе, Агнешка? А нигде – ты бы просто не родилась!

– Я родилась, потому что ты полюбил, а не потому, что был противником репрессий против мирных эстонцев. А полюбить можно даже врага.

– Врага – нельзя, если ты коммунист! – почти с пафосом изрек Федор Иванович, и было непонятно, это ирония или убежденность.

– Но ты-то был коммунистом!

– Э, ладно, доча, хорош, приехали! – он примиряюще вскинул руку. – Есть нечто непознаваемое и только мне понятное. Для тебя оно непознаваемое, а мне понятное. Это ведет по жизни. Это судьба. Моя судьба прошла через две мои жизни: первая – политработник в войну, а после, вторая, – цензор. И везде я умудрялся кого-то спасать. Значит, и политработники в войну были по делу, если я вас спас. По делу, если есть разум и смелость. Да, не все этим отличались, но все-таки, все-таки... Все-таки нельзя всех под одну гребенку. Нужен индивидуальный подход, анализ, а не суд скопом. Судить мы все горазды, особенно вы, молодые. Впрочем, у каждого своя правда, а общей правды нет.

– Ладно, папа, мы не судим, – решила закончить миром

Агне, – просто иногда обидно и жалко. Сколько вещей чуть не угробили или вовсе угробили!

И тут в разговор решил включиться я, до того молчавший:

– Вот, например, цензурная история с «Мастером и Маргаритой».

– И что? – даже не удивился Федор Иванович, воззрившись на меня.

– Что? Вы сказали, что «Сказка о тройке» – это не литература. Тезис спорный, но ладно, оставим. Вы посчитали, что это не литература, поэтому не пропустили ее и уверены, что поступили правильно. Пусть так. Но булгаковский роман – разве это не литература? Литература, и какая! А что произошло при первой публикации?

– А то и произошло. Да, верно, моя работа, моя. Верней, моего 4-го отдела, ну и моя, конечно, – он говорил убежденно, без нотки сомнения или раскаянья. – Вы знаете, какова функция 4-го отдела Главлита? Докладываю. Он осуществляет предварительный цензурский контроль над выпуском книг и журналов центральных издательств.

– Отлично! И что вы там, в «Мастере», наконтролировали? – я чувствовал, что тоже возбудился, как до того Агне, но она вскоре взяла себя в руки, а я пока нет.

– Многое. И многое же по делу, – был ответ бывшего начальника 4-го отдела (а вообще-то главного цензора державы). – Да, по делу, могу доказать.

Странно или нет, этот Федор Иванович мне нравился по-

чему-то: он говорил спокойно, уверенно и, в отличие от нас с Агне, никак не переполнялся эмоциями. Да, большая жизнь за плечами – чего там только не было, почти вся история страны, которая есть история болезни, как сказал уже помянутый сегодня Высоцкий. В общем, молодец Федор Иванович, дочь которого мне небезразлична и с которой у меня нет идейных противоречий, не то что с ним.

– Так вот, – продолжил я, – первое издание, как вы, конечно, знаете, появилось в журнале «Москва» в 66-м, а через...

Он сразу перебил:

– Та публикация в «Москве» состоялась в 66 – 67-м, если быть точным!

– Да, хорошо. Но... Через несколько лет, кажется, в 69-м, в ФРГ напечатали полный – полный, то есть без всяких купюр! – текст «Мастера и Маргариты», причем напечатали изумительно, потому что...

Меня опять перебили, но спокойно, почти тихим голосом:

– Да знаю, знаю! Это издание у меня есть. Вот там, – он указал себе за спину, – на полке стоит. Оно вышло, да, в 69-м во Франкфурте-на-Майне. И, да, наши купюры там выделены по тексту курсивом, поэтому читатель прекрасно видит, что же именно мы вымарали. Знаю, знаю! – и улыбка, и внимательный взгляд мне в глаза. – И что?

– Что? – я даже опешил несколько. – А то, что, внимательно вчитываясь в эти ваши купюры, я не видел логики. Да, большинство мест, которые вымараны, это понятно по-

чему... ну, с точки зрения власти, идеологии. Это мне хотя бы понятно! Но наравне с этим есть: первое – совершенно, так сказать, нейтральное, никого не задевающее, не антисоветское; второе – отдельные слова, или строка, или пара строк, которые вообще не несут никакой идейной нагрузки, это чисто стилистическое, вкусовое, если угодно. Так вот, всё это – и нейтральное, и стилистическое, – вот это-то зачем вымарано? Никакой логике не поддается!

– Поддается! – как отрезал Федор Иванович. – Это были редакторские правки, это не ко мне. Ко мне – цензура, а не то, что было в «Москве». Там – их редакторский волюнтаризм, впрочем, мелкий и иногда по делу, хотя стилистика умершего автора – вообще-то закон. Хотя, отмечу еще, там в принципе было что поправить, было, Булгаков отнюдь не идеальный стилист. Дальше?

– А что дальше? Вот и всё. Больше сотни купюр – и идеологически кое-как понятных, и уж совсем никак не понятных. Суммарно больше пятидесяти страниц, сотни мест!

– Э, стоп! – поднял он руку. – Давайте будем точными. У вас всё на уровне «больше-меньше», а у меня как в аптеке.

Федор Иванович поднялся, скорым шагом направился в кабинет и уже через полминуты вернулся со стандартной канцелярской папкой на тесемках. На ней я разглядел надпись жирным фломастером: «М и М», 1966.

В папке оказалась стопка машинописных страниц и какие-то официальные бланки с текстом.

– Это, чтоб вы знали, одна из папок моего личного архива. Естественно, ксерокопии, а оригиналы – в Главлите, – он извлек один из листов, окинул его взглядом: – Итак, будем точными. Вот суммарные результаты по работе с романом. Всего сделано 159 купюр, причем 138 из них – по второй части романа. А вы – больше-меньше, сотни мест! Да не сотни, а всего полторы сотни. Сотня с половинкой.

– Папа, не ерничай, и этого хватает! – подала голос Агне.

– Конечно, хватает, доча! – согласно кивнул ее отец. – И всё по делу, повторяю.

– Ой! – хмыкнула доча.

– Нет, не «ой», моя любимая! Не «ой», Сергей! – он обвел нас взглядом. – Этот роман был впервые издан – где? В СССР! В нашем с вами сегодняшнем СССР. При товарище Брежнев. Издан. Это как? Это – чудо! Кто бы вообще знал не только о романе «Мастер и Маргарита», а вообще о Булгакове, если б не так? Ну сотня людей, как и прежде, и всё. А после нашей публикации знают миллионы. Но чтобы это случилось, надо было чем-то пожертвовать. А как иначе? Мы живем в СССР, а не в Америке или благословенной Англии. А вам тут, в СССР, надо всё, всё! Если надумали печатать, так полностью! Увы, так у нас невозможно. Ну невозможно, поймите вы это! Поэтому надо соизмерять свои желания с конкретным временем и местом, с местом, где вы есть, надо быть реалистом, а не максималистом, жить на земле, а не на соседнем с товарищем Господом Богом облаке.

– Папа, оставил бы ты Бога в покое, – поморщилась Агне, но это пожелание осталось без внимания. Последовало продолжение с того же места.

– А вы живете именно там, на облаке, да еще имеете претензии к тем, кто пусть с потерями, но сделал свою работу. А я скажу: вам, повезло, ребята, что кто-то это сделал! И Булгакову повезло, между прочим – причем во всем. Повезло, что в тридцатых его не уничтожил Сталин, а это было вполне реально. Повезло, что вовремя умер. Повезло с женой, которая выполнила его последнюю волю по роману. Повезло, что нашлись люди, Симонов и другие, которые пробивали роман в печать. Повезло даже с нами, со мной повезло, ибо мы старались соблюсти меру, мы, с одной стороны, понимали, что это за роман, а с другой, хорошо знали, где и в какое время мы живем. Это потомки, узнав подробности, могут тыкать в меня пальцем и негодовать, но вы-то, вы, кто в том же месте-времени, вы должны понимать, что возможно, а что нет, а если все-таки возможно, то сколько надо за это заплатить. Да, должны, но не понимаете.

Он закинул руки за голову, потянулся и, поскольку мы молчали, заговорил опять, причем как-то удовлетворенно, спокойно:

– Но вы – ладно, а вот я, я с собой в ладу и претензий по роману к себе не имею. Всё по делу, повторяю. Роман, слава богу, издали, а потом, само собой, всё пошло-поехало, всякие его варианты, в том числе небесспорные, но полные.

Всё по делу, эволюционно, от малого к большому. Э, я вас не утомил этой тирадой? А, деликатные мои? Что не спорите, не возражаете? Стесняетесь хозяина дома, у которого вы в гостях? Или глядите на меня, как на идеализирующего своё прошлое склеротика?

Тут Федор Иванович рассмеялся, а Агне поднялась, обошла стул, где сидел отец, и со спины обняла его.

– Ты бравый папка! – замурыкала, потерявшись о его щеку. – Ты противный бравый папка, благодаря которому я родилась, а родилась, потому что... ну мы-то знаем почему.

– Ай, не всё ты знаешь, не всё! – озорно проговорил он и поцеловал дочь. – Ладно, мир. А собственно, разве мы выкапывали топоры войны?

Удовлетворившись мирным (вообще-то ничейным) исходом непростого разговора из серии «отцы и дети», я предложил:

– А не пойти ли нам к реке?

– Именно туда! – закивала Агне. – Я искупаться хочу.

– Здравьете, приехали, уже вечер! – удивился Федор Иванович. – Надо было днем купаться.

– Днем не захотела, а сейчас – нормально.

– А купальник при тебе,хватила?

– Не-а. Ну и что? На мне белье классное, сойдет. А вы переживете, вы близкие.

Отсутствие плавок меня не волновало, поскольку купаться я не собирался. Мы вышли из дома в сад, миновали ка-

литку и минут через пять были на берегу. Тихо, сумерки, народу никого, вода недвижима, едва отражает темнеющие небеса, напротив – угрюмый лес.

Мы с Федором Ивановичем уселись на самодельной лавке из бревен, а Агне скинула джинсы с футболкой, туфли и медленно пошла по песку к воде. Потом, уже по колено в ней, стала к нам спиной.

– Прохладно, – крикнула, – но хорошо!

Я заметил, что, когда, раздевшись, Агне шла к воде, Федор Иванович откровенно любовался дочерью, исключительно по-отцовски, ласково. Теперь, всё так же глядя на нее, уже поплывшую, сказал:

– А хорошую девочку мы с женой заделали! Красивую, добрую, умненькую. Свой человек. Какая стройная, чертовка! Прямо как мать. Да-да, она вообще похожа на мать – и светлыми волосами, и глазами, и фигурой, и по характеру. Эстонская кровь, вот так. Чудеса генетики... Что, эстонские гены сильнее? Да нет, наверно. Вот я и говорю – чудеса... Однако ж боязно мне за нее. Не сильная она, не боец, до сих пор еще ребенок. Сказки! Одни сказки на уме, это ж надо! Теперь вот училкой будет – значит, зарплата с гулькин фиг. Да ладно, я ей всегда подброшу, как и делаю обычно. А когда я помру? Вот и мать у нее была такая, несильная характером, тихая. Но твердая при всем при том. Ты знаешь, удивительное дело: я не вспомню, чтоб мы с ней когда-то ссорились, ругались. Ни-ни. А ведь столько лет бок о бок прожили! Ред-

кий случай, наверное. М-да...

Он умолк, явно загрузив. Я молчал, глядя на плавающую Агне и изредка слыша ее фыркание. Да, хорошую девочку, как шутливо выразился ее отец, они с женой заделали. И еще, конечно, я обратил внимание на то, что он впервые сказал мне «ты». Приятно. И еще приятно то, что, несомненно зная о наших с Агне интимных отношениях, он не выпрашивает о моих намерениях или вообще о наших планах на будущее. Слишком деликатный? Или достаточно опытный и умный, чтобы понимать: тут нельзя торопить события, тут либо сложится общность, либо люди устанут друг от друга и разбредутся по собственным судьбам. Это действительно редкость, чтобы прожить душа в душу много-много лет. Тут надо родиться Ромео и Джульеттой. Но в отличие от шекспировской Вероны, где конфликтовали всего два семейства, эти конкретные Ромео и Джульетта, Федор Иванович и мама Агне, породнились в ситуации, когда вокруг них конфликтовали народы и смерть ходила по пятам за всяким.

В конце концов мы остались на ночь. Федор Иванович предложил: уже вечер, чего же ехать на ночь глядя, тут две комнаты, веранда, нет проблем. Мы с Агне согласились и, поскольку теперь можно было совсем расслабиться, опять уселись за стол в большой комнате. Тут возникло новое предложение хозяина:

– А что, ребятки, если нам еще по чуть-чуть выпить? Те-

перь мне не надо везти вас на машине на станцию – имею полное право! Вот и напьюсь. В честь вашего приезда. Надо ж мне напиться наконец. А то выпить тут не с кем, а в одиночку я не пью. Соседи мои по поселку – они люди замкнутые, большие чиновники на большой пенсии, а еще бывшие генералы всякие. Нет, вообще-то нормальные советские товарищи, но не шибко контактные, что хорошо. А сегодня – вы. Вот и чудесно, вот и напьюсь.

– Ты тот еще алкоголик! – улыбнулась Агне.

– Сейчас – да, а когда-то в войну – не поверишь, дочь, бывало всякое! Особо с 43-го, когда наступать начали. За очередной взятый город, за победу. Ой, пили! Солдатики, конечно, не часто, а вот среди высшего офицерья! Даже особысты здорово прикладывались, хотя им вообще-то пить было не положено, они бдеть должны постоянно... Ну да ладно. Агнешка, давай расстелем скатерть-самобранку, а я коньяк из кабинета принесу. А, и лимончик достань из холодильника на кухне, он там у меня есть, и баночку маслин оттуда же...

Потом мы попивали коньяк с кофе, а Агне свое вино, и говорили о чем-то малозначимом, беспроблемном, веселом, даже пару анекдотов вспомнили. Наверно, час прошел, и тут Агне зевнула раз, потом другой. И сказала:

– Вы продолжайте, а я наелась-напилась, прилягу тут на диване, рядом с вами, а вы говорите, говорите, мне так будет приятно – лежать и слушать вас.

И легла опять, как днем. А мы с Федором Ивановичем опять, как по команде, замолчали, будто без Агны между нами рвалась некая ниточка, которая всех нас связывала. Так и сидели молча, отхлебывая кофе. И тут Федор Иванович вдруг повернул дело таким образом:

– Слушай, Сергей, как-то неожиданно сегодня случилось, Мы ведь почти всё время одну и ту же тему крутили. Начали с Эстони, потом Высоцкий, потом Стругацкие, «Мастер и Маргарита», Юрий Казаков... В общем, крутили тему о моей работе, обо мне. О моей войне, моем цензурстве. И вот странно: о чем-то мы сейчас говорим, а всё думаю о том же. Будто зациклился. Думаю, думаю. Даже не то что думаю, а какие-то мысли всплывают сами по себе. Нет, не сужу себя или кого-то, а просто... просто в теме. Странно. Но интересно... Поэтому вот что. Давай я тебе расскажу, как всё началось и что я потом понял, хотя было это давно, очень давно.

Я кивнул и искренне сказал, что мне тоже это интересно.

– Тогда так, – начал Федор Иванович и разлил нам по рюмкам. – Эй, Агнешка, ты там не заснула? Тогда тоже послушай, небезынтересная история, только держи в уме, что это было давно, задолго до мамы и до тебя, так что я никому не изменял.

– Ну заинтриговал! – подала голос Агне. – Про секс, что ль?

– Если бы только! Значит, так. Я тогда уже был слуша-

телем командирских курсов Наркомата внутренних дел, то есть из меня делали офицера этих самых внутренних дел. Это в Москве, 30-й год, мне двадцать лет. Молодой, статный, сильный, комсомолец, будущий командир, весь в учебе, но скромный, прямолинейно честный, еще женщин не знал. Не знал, но тогда появилась у меня девушка, в которую я влюбился, и мы с ней жарко целовались в подъездах или среди кустов в вечерних парках. Целовались и пытались ласкать друг друга. Да, в подъездах или парках, потому что больше нигде, домой в коммуналку не приведешь. И вот летом пришла мне в голову мысль поехать с ней за город на электричке, в воскресенье, естественно.

Мы и поехали. С Киевского вокзала, как сейчас помню. Поехали, облюбовали местечко в лесу, и там ласкали друг друга уже почти по полной программе, но вот чтобы лишиться друг друга невинности, не вышло: моя красавица мне не позволила. Да, вот такие тогда водились красавицы на нашем свете... «Ну, может быть, в следующее воскресенье позволит?» – пришла мне в голову естественная мысль.

И вот оно, следующее. Мы пришли на то самое наше место в лесу, будучи уверенными, что нас никто не побеспокоит, ибо дачный поселок был за железной дорогой, а тут полная глухомань. Из Москвы я захватил с собой одеяльце, завернув его в газеты и уложив в авоську. Теперь извлек, расстелил на травке между елочками, и мы легли на него. Через полчаса моя девушка даже сняла кофточку с лифчиком и

подтянула к поясу юбку, но главного мы еще не сделали, хотя я чувствовал, что это случится сейчас, сейчас. Я лежал на ней, почти потеряв голову, и тут меня кто-то треснул по голому задку. Моя девушка вскрикнула, а я сел. В метре от нас – мужик лет тридцати, одет по-деревенски, морда очень серьезная.

– Надень трусы, парень! – сказал, как приказал. – И марш за мной!

Я испугался. Очень испугался. Сердце затучало часто-часто, и судорожные глотки пошли. А чего я испугался? Вам этого не понять: тогда было другое время. В то время тискать девушку или заниматься с ней любовью в кустах или в лесу было не то что неприлично – за такое могли объявить выговор, исключить из комсомола, а меня могли с позором отчислить с моих командирских курсов. Вот так-то!

Я натянул трусы, брюки и, оставив мою притихшую, на смерть испуганную девушку, пошел за тем мужиком. Он углубился в лес на десяток метров, повернулся ко мне и проговорил тихо, но твердо:

– Заявить в милицию или денег дашь? Поселковый милиционер близко, по станции сейчас прогуливается. Понял?

– Понял, – прошептал я, борясь с дыханьем. – Не надо заявлять.

– Ладно, не буду, скажи спасибо. Но тогда деньги давай. Не помню, сколько было у меня в кармане. Мало, конечно. Но я всё ему отдал. Только потом до меня дошло, что на

обратную электричку теперь ни копыа. Это до меня дошло, когда мужик сразу ушел скорым шагом по направлению к поселку, а я поплелся к оставленной девушке.

Она так и сидела на моем одеяльце, вся сжавшаяся. Когда я подошел, подняла голову, спросила:

– И что?

– Всё в порядке, – успокоил я ее. – Он никому не расскажет, я ему денег дал.

И тут от ее испуга и растерянности не осталось и следа. Она расширила глаза и произнесла с негодованием:

– Ты ему дал деньги? Дал деньги? За что? Ты? Дал?

Она резко поднялась, одернула юбку (кофточка была уже одета) и повторила:

– Ты дал? Ты?

И во мне опять что-то крутанулось. Я вдруг ясно понял, кто есть кто. Он, мужик, – гад, я – трус, а она, девушка, – молодец. А трус я еще и потому, что не только гада испугался, но и девушку предал, бросил одну, пошел откупаться. Это осознание собственной низости буквально взорвало меня. Я опять потерял голову – но если тогда от страха, то теперь от жуткой, просто животной злобы. Прямо бешенство какое-то!

Ни слова не говоря, я побежал за тем мужиком. Но вот что странно: я потерял голову, но в то же время она трезво работала, однако в одном направлении – отмщения, мести. На бегу я выискивал на земле подходящее полено, или камень, или сучковатую большую ветку – в общем, что-то та-

кое, что могло бы стать орудием мести. Или убийства, мне было все равно.

Я нашел это орудие. Короткое, но тяжелое бревно, часть поваленного ствола, да еще с сучками. Закинул на плечо – и вперед.

Мне повезло. Того мужика я догнал еще до станции, то есть там, где был лес, хотя между стволами уже проглядывалось полотно железной дороги. Он почти не успел обернуться, а я с размаху ухнул ему бревном по башке. Он застонал, медленно согнулся и осел. И я ударил еще раз, в то же место, по затылку. Он упал, завалился на бок. Я повернул его лицом к земле и ударил опять. Потом еще. Он совершенно затих. А я холодно раздумывал, ударить еще или нет. Ударил. Опять по голове, по затылку. Потом отбросил бревно и пошел прочь. Про деньги и не вспомнил. Прочь, прочь. А куда? На станцию. И про девушку забыл... Это я про то, как тогда работала моя голова. Никак. Это был психоз? Или реактивное состояние? Помрачение? Не знаю.

Тогда я не знал, не понимал. Зато понял много позднее, всё понял, про себя, свою суть. И знаешь, Сергей, благодаря чему понял? Вернее, благодаря кому? Вон ей, Агнешке. Ты слышишь меня, сонная дочь? Да-да, благодаря тебе! Сейчас объясню, и это уже не про секс, так что можешь не держать ухо востро.

Однажды я приехал домой в Москву и на моем-твоем письменном столе случайно обнаружил кучку листков, испи-

санных твоей, дочура, рукой. Конечно, я и не думал их читать – просто отложил в сторону, но мой взгляд случайно выделил там одно слово – «Фрейд». Я понял, что тут не личное, не твои письма или дневник, а твои выписки из научных журналов или каких-то пособий. И решил пробежать глазами про Фрейда – так, любопытства ради. И обалдел! Ибо попал на то, что нужно. Нужно именно мне! Ты понимаешь, Агнешка, о чем речь?

– Э, вообще-то нет, – откликнулась она с дивана. – Я разное выписывала из Фрейда. Например, его «Истолкование снов».

– Ну, может быть. – Федор Иванович неуверенно pokrutil головой. – Там не было ссылки на конкретную книгу. Я о другом. О том, на что я нарвался, на что!

– И на что? – явно заинтересовалась Агне, потому что присела, и из-за стула я увидел ее заспанное личико.

– На что? На что! Вот на что. На то, что душа, или психика, разделена на сознательную область и бессознательную.

– А, ясно! – зевая, выговорила Агне. – И что же тебя потрясло, папочка?

– Докладываю. Наша основа, то есть как бы скелет психики, лежит в подсознании. Это глубинные животные начала, инстинкты, и главные из них – разные потребности в удовольствии и агрессивность. Это – основа всего животного, и в человеке так тоже. Но в отличие от зверей в нас эти инстинкты подавляются социальной средой, и это происходит

через сознание. Оно призвано рационально вписывать наше поведение в общественную среду – чтобы мы вели себя адекватно, разумно... ну, скажем так, законопослушно, соблюдали общепринятые правила и при том не проявляли повышенной агрессивности и удовлетворяли свои желания в меру, то есть как принято, как положено. Правильно я понял товарища Зигмунда? Именно так. Теперь дальше.

Значит, подсознание – это всё животное, а сознание – это наше рациональное поведение, но чтобы оно, поведение, стало рациональным, адекватным, социальным, а не асоциальным, между подсознанием и сознанием – внимание, ребята! – между подсознанием и сознанием стоит контролер. Этот контролер не допускает, чтобы животные инстинкты, повышенная сексуальность и агрессивность проявлялись в поведении человека. И знаете, каким словом Фрейд назвал этого самого контролера? Цензор. Цензор, ребята! А что такое цензор, если с латыни? Оценщик. Что хорошо, что плохо. Что можно, а что нельзя. Этот цензор-контролер в нашей психике оценивает наши желания, эмоции, замыслы, в том числе агрессивные (например, убить обидчика) и не допускает животных порывов в конкретном, ежечасном поведении. Вот и всё!

И вот я прочел, Агнешка, этот твой листочек – и в моей голове опять что-то крутанулось. Как крутанулось, а вернее, куда? Назад, в мое прошлое, в мои двадцать лет, в ту самую ситуацию в лесу с моей девушкой и этим мужиком, которого

я избил... а может, и убил, не знаю. Я наконец всё понял, всё! Понял, что же со мной тогда произошло. Почему я стал зверем. Слышишь, Сережа?

– Слышу, – отозвался я сразу, потому что и так был весь внимание.

– Смотри. Я приехал с женщиной в лес – для чего? Чтобы, прости меня, доча, овладеть ею. Впервые в жизни овладеть женщиной! Мощное желание, мощнейшая потребность, и это переполняет меня. И вот я готов к этому. Мы раздеваемся, я ложусь на девушку, я уже почти, почти... и тут мне мешают. Да не то что мешают, а бьют по всему тому, что ведет меня к возжеленной цели! К самому главному на тот момент, к самому вечному, животному – к овладению самкой. Результат – сшибка. И первая моя реакция – ступор, страх.

А вторая? Вторая и есть главная. Которая выиграла во мне благодаря моей девушке. Молодец девушка! Она-то всё осознала первой. Она сказала: «И ты дал ему деньги? Ты?»

Вот это был удар! По моему самолюбию, по психике. До меня дошло, что в ее глазах я – дерьмо, трус, ничтожество. До меня дошло, что тот мужик нас унизил, оскорбил, покусил на самое главное – на мое достоинство, а конкретно – на реальную возможность наконец-то осуществить акт с женщиной, которая уже готова к этому, которая лежит, которая раздета, ждет, которая уже почти твоя. А тут тебе, как говорится, бьют по рукам. Точнее, по заду. А точнее, прости еще раз, Агнешка, по половому члену. Лихо! А мужчину,

как и любого зверя, в такой ситуации трогать нельзя, нельзя! Мужчина озвереть может.

И тогда в моей голове, в моей психике что-то крутанулось. И я действительно озверел. Что было дальше, вы знаете. А вот почему было, почему именно так? Вот это я и понял через очень много лет, когда мне на глаза случайно попались те фразы Фрейда.

Это был вовсе не реактивный психоз, не временное помешательство. Это была нормальная работа подсознания: стремление к самке для удовлетворения желания, а если этого не дают, если тебя прерывают в самый главный момент – тогда агрессия, и агрессия именно на то, на кого, кто не дает, препятствует, а еще и унижает. Вся эта ситуация, особенно после слов девушки: «И ты дал ему деньги? Ты?» Эти ее слова сорвали во мне того самого цензора в психике, цензора-контролера, который призван подавлять агрессивность. Это произошло помимо моей воли, мое поведение диктовалось исключительно подсознанием, потому что цензор отключился на время, куда-то пропал, убрался. Или я его произвольно убил. Убил в себе цензора. Вот такая цепочка произвольно выстроилась в моих мозгах: сначала убить цензора – потом убить человека. И я их убил. Цензора – точно, человека – скорее всего.

Так что с тем диким, трагическим случаем в лесу мне всё ясно. Ясно с того момента, когда я случайно прочел Фрейда. Но стало мне ясно и другое, и это «другое» относится уже

к моей последующей жизни... Так, ребята, если я вас еще не утомил, то перерыв на несколько минут, ибо, пардон, мне нужно посетить туалет. А ты, Сережа, пока я там буду, плесни нам коньячку еще по капельке.

Федор Иванович вышел из комнаты, а Агне пересела с дивана на стул рядом со мной и произнесла тихо:

– Молодец папка! Интересно, что потом.

И мне, признаюсь, тоже было интересно.

– Едем дальше, – вернувшись за стол, удовлетворенно сказал «молодец папка», отпил коньяку и продолжил: – Всё это можно определить формулой «убить цензора». Да-да, того самого цензора между подсознанием и сознанием, который обычно не позволяет проявиться природным инстинктам, животным порывам. И еще до знакомства с мыслями Фрейда у меня происходило именно так, но, конечно, в редких, критических ситуациях, и ни о каком цензоре я тогда не думал.

Первое и, несомненно, главное – это история с твоей мамой, Агнешка, с моей будущей женой. Я влюбился с нее, эстонку, без памяти. Я, майор политотдела армии, на отличном счету у моего генерала-начальника, абсолютно правоверный коммунист! А она из семейства с подмоченной для нас репутацией. Всё равно люблю ее! – твердил упрямо, и тут меня переводят из действующей армии в Москву, в Главное управление. Но вскоре я получаю письмо из Тарту: отца моей любимой арестовали, всей семье грозит высылка в Сибирь. Я в растерянности – что делать?

Мучился всего лишь день. И отчетливо понял: я люблю и никому-ничему эту любовь не отдам. И вот я убил в себе цензора – пошел на прием к моему генералу и всё ему рассказал. Что люблю ту эстонку, что хочу жениться на ней, а как без ее отца на свадьбе? Генерал подумал и ответил сурово: «Партбилет положить хочешь и на фронт командовать ротой? – Я молчу, а он продолжает: – Вот что, майор. Даю тебе два дня. Лети в Тарту, забирай свою невесту и потом сразу женись. Сразу! Здесь, уже в Москве. Между прочим, брак нашего офицера с местной, с прибалтийкой, могут одобрить. Это вписывается в идею. Нам нужно, чтобы на нашу советскую власть там хорошо смотрели. Да, думаю, очень кстати ты это придумал. Лети в Тарту, а я доложу руководству... Ах да, ее семья! Ладно, хорошо, это тоже кстати».

Так я спас маму, ее отца, тэди, всю семью. Или спас не я, а мой генерал? Формально он, а если по Фрейду, спасло то, что мой цензор оказался убит на время. Я его убил, не струсил, не отступился. И дал проявиться подсознанию – главному, природному. А главным природным тогда был мой инстинкт любви к конкретной женщине, которую я страстно желал, а значит, неосознанно желал от нее ребенка. Тебя, Агнешка, тебя.

Понятно, подобные эпизоды были исключениями в моей жизни, редкими исключениями. В основном я – стопроцентный, верный партии советский человек. После войны работал в аппарате Министерства внутренних дел, потом в Глав-

ном политуправлении Советской армии... Э, между прочим, там, в Главпуре, моим непосредственным начальником был знаете кто? Леонид Ильич Брежнев, вот так! Тогда, в 53-м, его назначили заместителем начальника Главпура Советской армии, но уже через год отправили руководить освоением целины в должности секретаря ЦК Казахстана.

Ладно, это забавная справка, хотя с ним нормально работалось, довольно спокойно, тем более что после 53-го, после Сталина, все-таки полегчало, ну и в высоких военных кругах тоже. Да, нормальным мужиком тогда был Брежнев, но кто в те годы мог подумать, что через десять с небольшим лет он станет царем отечества!.. В общем, дослужился я до полковника. И генерала мог бы получить, да как-то стал уставать от службы. И в 66-м году подал в отставку, уволился из армии и вышел на пенсию. Свой срок в «органах» и армии я отмотал. Значит, вышел на пенсию, а тут, так совпало, в очередной раз реорганизовали Главлит. Теперь он стал именоваться Главным управлением по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР.

И вот неожиданность: меня вызывают в Совмин и предлагают возглавить там отдел, конкретно 4-й отдел: предварительный цензорский контроль... ну и так далее. Если предлагают, понял я, значит, хотят, значит, уже согласовано с Главпуrom. Понял и ответил «да». Очень кстати: вышел на пенсию, а работать-то хочется, и силы вроде есть, не пожилой еще, и вот – очень неплохое предложение, хотя должность

щекотливая, конечно. Но интересная. Фактически главный цензор страны по печати, о-го-го!

Это я понял потом – что фактически главный, по сути главный, потому что начальство лишь визировало мои с отделом решения: «пускать – не пускать». Ну а если пускать, то с какими купюрами.

И покатило. Хорошо покатило. Я еще далеко не старик, пятьдесят шесть лет, здоров, слава богу, прекрасная квартира, уютная дача, машина, очень хорошая зарплата плюс хорошая военная пенсия, почти всё доступно, заказы всякие, хочешь за границу в турпоездку – пожалуйста. А главное, у меня чудесная семья: любимая жена, любимая дочь. И состояние души у меня в полной норме, то есть никаких комплексов или несогласий с чем-то. Наоборот, полное согласие, хотя, конечно, я не дуб и уже прекрасно понимал, особенно после 56-го, какая она, наша власть, какая она была и есть. И сейчас понимаю. Но это не отменяет того, что жить мне тут вполне комфортно.

Значит, начался мой Главлит, мое цензорство. Анекдот, согласитесь: я служил цензором, а время от времени убивал цензора. В себе. И раньше убивал, и теперь, уже в Главлите. Сейчас расскажу.

Ну, про забавную историю с Казаковым, с его «Осенью в дубовых лесах», я перед вами уже отчитался. И про «Мастера и Маргариту» мы говорили, и про «Сказку» Стругацких. Что еще, если из известного, существенного? А, вот, конечно

– Окуджава! Было дело, было. Сначала «Похождения Шипова».

Я не удержался:

– Господи, Федор Иванович, а по «Шипову»-то какая цензура?

В ответ снисходительная улыбка:

– Сережа, голубчик! Ты знаешь, что такое аллюзия? Отвечаю: это стилистическая фигура, содержащая явный или скрытый намек на некий исторический или политический факт. Намек на политический факт, Сережа!

– Да известно мне это, в курсе! – отмахнулся я.

– И молодец. Так вот, дорогой мой, там, в «Шипове» этих аллюзий, то есть намеков, достаточно. Надо только иметь цензорский глаз, чтобы это разглядеть, понять. А я для того и поставлен партией. И мой отдел так же. Вот мы, то есть наш бравый 4-й отдел, немало подискутировали, перед тем как в 71-м году, если мне память не изменяет, эта книжечка увидела свет. Да, с некоторыми купюрами. И честно признаю, я к тому приложил руку – к тому, что она таки увидела свет.

Это первое по Окуджаве. Второе – «Путешествие дилетантов». 78-й год, кажется. Или 79-й? Ну, вон там она, эта книжечка, на полке, можно глянуть... Так вот. И что? Аллюзии опять же – да ладно! Но сама выводимая оттуда мысль об исторической преемственности власти в России, как бы эта страна ни называлась, это как? Дескать, что при царе Николае Первом, что при... ну ясно при ком. А еще, доказы-

вали мне в отделе, там исторических неточностей хватает, и не только исторических. В общем, подискутировали. И я дал «добро». А с историческими и прочими огрехами, сказал, должны соответствующие редактора в издательстве разбираться, это не наша епархия. Вот и всё. Разрешили дать тираж, хотя уже потом на книгу обрушились критики. Каждую ошибочку приметили, поиздевались всласть.

Ясно, был такой заказ по Окуджаве. Всегда был. Поиздеваться над автором, а уж коль большая книга вышла, целый роман, то особо! Мне рассказывали потом, что бедный Окуджава слег с сердечным приступом. Чудак! Как же можно так реагировать на норму? Ведь тут иначе невозможно! Скажи спасибо, что издали, выпустили. А он распереживался! Ну воистину поэт – одни эмоции! И потом, ведь всем было известно: если в центральной печати что-то ругают, значит, вещь хорошая, надо достать, прочесть, а если речь о кино, то обязательно посмотреть. Так? Так.

Ладно, что еще? Ну было еще что-то, конечно, но пора мне заканчивать. Достаточно. Небось утомил я вас. А я спокоен. Потому что честно делал свое дело, то есть работал цензором по полной, начертанной партией и правительством программе. Ни одного серьезного прокола, ни одного выговора, хотя журили иногда, да, бывало. Это – от них. А что от себя? Если от себя, то тут надо сказать о следующем и на том закруглить наконец мою словесную диарею.

Жил в свое время очень известный цензор, Никитенко его

фамилия. Это при Пушкине, Гоголе и последующих славных литераторах. Без его фамилии на обороте обложки не выходила ни одна серьезная книга. Но все знали: если стоит фраза «Цензор Никитенко», значит, цезура была крепкой, но достойной, грамотной, то есть без перегибов, издевательств над автором и тому подобного. Да что там говорить: тот же Пушкин, а за ним Гоголь просили, чтобы именно Никитенко был их цензором. Просили! Дескать, уж если без цензуры у нас никак, то тогда только Никитенко. А почему?

О, вот в чем дело-то! Мужик был хороший, духовный, либерал, литературу понимал, чувствовал. Хотя, конечно, верный «член партии» под руководством царя Николая. Вот и крутись между молотом и наковальней. Он, либерал, и крутился: Пушкин или Гоголь, с одной стороны, а с другой – всесильный Бенкендорф, министр народного просвещения Уваров, тот самый, между прочим, который «самодержавие, православие, народность», умный, хитрый, но безнравственный и гад еще тот, в отличие от Бенкендорфа, между прочим.

В общем, несчастный Никитенко. Но ничего, прожил неплохую жизнь, много сам написал по части устройства просвещения. А был по рождению из крепостных, вот так! И что? Мне вот тоже мой дед говорил, что его отец до 1856 года был крепостным, кстати, при том же царе Николае. Значит, и я по роду-племени оттуда же, из крепостных, как мой Никитенко... И еще кстати: почему я на дачу окончательно перебрался? А вот почему. Гены, гены прадеда! К земле по-

тянуло. Чтобы руками, руками в земле. Огород, садить картошку, в саду вишни и яблони, в сарае куры квохчут... хорошо! Вот вам я, а до меня – Никитенко.

А почему я о нем? А я, уже не по роду-племени, а по профессиональному уровню, по отношению к делу, всегда желал походить именно на него. Ведь преемственность должна быть не только у высшей власти, но и у невысшей. У главных цензоров, например. Да?

Тут Федор Иванович рассмеялся, лукаво, но устало.

– Ну ладно, ребятки, хватит мне держать вас за столом. Давайте ложиться, а то Агнешка уже давно спать хочет.

Агне вскинула руку:

– Погоди, папка, заключительный пассаж, теперь мой... Вот, значит. Вот что я поняла. Ну, про Фрейда и эти его рассуждения про психику, и про цензора-контролера в том числе, это ты нормально изложил, если по сути. Но если так, а это, похоже, так, то тогда что выходит? Всё индивидуально, и у каждого человека в подсознании лежит и эволюционное общее, и что-то свое. И вот ты. Когда ты убивал в себе цензора, цензора в своей психике, то в тебе высвобождалось, да, природное, однако природно-правильное, хорошее.

– Ой, доча! – заулыбался Федор Иванович. – Понимаю, ты обо мне плохо не скажешь!

– И слава Господу, что так. Ведь если условно исключить тот дикий случай в лесу с твоей девушкой и мужиком-гадом, то последующие убийства твоего цензора приводили к че-

му? Ты спас маму, бабушку Ивара и его семью, ты не убоился просить за них, каких-то эстонцев, не убоился жениться на маме, а потом, уже в Главлите, служа главным цензором страны, понимал, что есть хорошая литература... ну, по-своему понимал, это ясно, но спасал от ножа то, что мог и что считал нужным спасать. Да, не всё и идя на компромиссы, но все-таки спасал. Потому что в твоей глубинной природе, в твоём подсознании заложено светлое, а не зверское, не дикое, не только и не столько тяга к удовольствиям и агрессивность. Вот так, вот и всё. Это диагноз.

Выслушав очень внимательно, Федор Иванович усмехнулся:

– Ты полагаешь, доча? То есть получается, не такое уж я дерьмо... А знаешь, подводя итог своей жизни политработника, сотрудника «органов» и цензора в Главлите, я, между нами, тоже так думаю. То есть, пожалуй, соглашусь с тобой.

Агне выделила из этих слов отца главное:

– Папка, ты очумел? О каком итоге жизни ты говоришь? Ты что?

Федор Иванович срочно закивал:

– Ты права, права! Глупость сморозил, извини...

Нам с Агне наказали стелиться в большой комнате, предварительно разложив диван, а сам Федор Иванович отправился в кабинет на свою софу. Вскоре улеглись. Было абсолютно темно и очень тихо, лишь изредка, глухо и далеко,

слышался протяжный посвист электрички.

Мы с Агне лежали обнявшись, она засыпала, а я вдруг почувствовал, что хочу ее, причем как-то жадно, жутко. И удивился: и прошлой ночью мы делали это, и позапрошлой, а вот – хочу ее, жутко хочу!.. Вероятно, парадоксальная реакция на алкогольное возлияние, усмехнулся, то есть не в сон, а в секс... Повернул Агне на бок, спиной к себе, осторожно вошел в нее и стал делать мягкие движения. Она отвечала мне, но тихо, бессловно, без стопа или каких иных звуков – как и всегда. Да, она всегда делала это именно так, в абсолютном молчании. Эстонские гены! Я даже посмеивался над ней иногда, вспоминая известную фразу из фильма о Штирлице: «Характер нордический, стойкий».

Потом я лег на спину, а Агне прижалась ко мне и стала водить ладошкой по моей груди – тоже как всегда. Так мы лежали, будто плывя на облаке, и тут Агне прошептала:

– Что-то я в последние дни как-то сонная, всё время прилечь тянет, подремать. Вот и сегодня... Может, я беременная?

М-да, неожиданная информация, хотя и под знаком вопроса. Перевадив это, я спросил:

– Если беременная, то от кого?

С юмором у Агне было всё в порядке.

– Ума не приложу. Перебираю – и никак.

– Кого перебираешь?

– Кандидатов в отцовство.

– А, понятно... – но потом мне стало не до юмора. – Слушай, извини за подробности, а у тебя... ну, задержка имеет место быть?

– Имеет. Дней семь-восемь... У меня так и раньше иногда бывало. Да, иногда. На недельку. А потом всё в норме.

– А не тошнит?

– Нет. Только в сон тянет.

– А что ж тогда ты сегодня вино пила?

– Сдуру. Да и сколько я пила – бокал днем, пару глотков вечером! Это вы с папкой – алкаши, то водку, то коньяк.

– Ладно. Тогда совет от алкаша: может, тебе в консультацию сходить?

– Пожалуй. Ну если так и останется, то еще через пару неделек и схожу... – она помолчала и вдруг усмехнулась: – А представляешь, какой анекдот, если... Первого сентября впервые выйду на работу в школу, а вскоре придется говорить, что я с беременностью. Анекдот!

– Да, это главный анекдот, – согласился я.

И тут Агне зашептала быстро:

– Сережа, ты это... Ты в голову не бери. Это мое. Не бери в голову все это, все хорошо.

Я помолчал. Потом сказал:

– Договорились – в голову брать не буду. А в сердце можно?

Агне опять завозилась ладошкой по моей груди.

– В сердце?.. Хорошо, позволяю. Посмотрю, как мне будет

там, у тебя в сердце.

Послесловие

Через некоторое время после описанных событий Агне и Сергей были вынуждены пойти в загс и зарегистрировать брак.

Это не ирония: действительно были вынуждены. И дело не только в будущем ребенке.

Им сказали: «Да вы хоть триста раз венчайтесь, но если в ваших паспортах не будет соответствующего штампа, то ваш союз есть что? Сожительство, гражданский брак, а ситуация у вашего будущего ребенка – ну, если формально, безотцовщина». А Федор Иванович напомнил им про то, что говорил ранее: надо жить в соответствие со своим местом и временем. Покинуть свое место (то есть страну) они не могли, да и желания не имели, потому что время, которое им тогда выпало, обозначалось таким сочетанием цифр: 1-9-8-0.

Вот поэтому они и были вынуждены подать заявление в загс, потом зарегистрировать брак, а еще через несколько месяцев там же зарегистрировать родившегося мальчика.

Но это действительно формальности, потому что их свадьба состоялась за несколько месяцев до похода в загс, и состоялась она в городе Тарту сразу после венчания в той самой, упомянутой выше кирхе – в Приходе Святого Петра. Да, именно в той самой кирхе, которая им особо понравилась, когда пару месяцев назад они бродили по этому городу. Ведь

недаром острые шпили той кирхи так долго смотрели им в спины, пока они уходили от нее, спускаясь по старой брусчатке улицы, так долго смотрели, что даже чувствуешь спиной, как они тебя еще видят и будто провожают, провожают.

Конечно, идею венчания подала Агне, и Сергей не возражал. Они позвонили тэди в Тарту и попросили ее организовать это дело, но сначала выяснить, возможно ли такое им, неместным, и если да, то когда, то есть чтобы обозначили точное число. Через несколько дней тэди сообщила, что всё возможно и молодых с радостью обвенчают, но при условии, если они оба, жених и невеста, крещеные, желательно в лютеранской вере, а если нет, то до венчания надо там же, в Приходе, обязательно принять обряд крещения. Ну с Агне проблем не возникло, она давно лютеранка, а вот Сергей только рассмеялся, сказав: «И тут формальности!» – но возражений опять не выказал.

Короче говоря, к означенной дате поехали в Тарту, причем втроем, то есть вместе с Федором Ивановичем. Остановились, понятно, у тэди, а назавтра для Сергея сначала был обряд крещения, а потом, уже вместе с Агне, началось само венчание, и присутствовавшие в храме отмечали, до чего хороша невеста в девственно белом одеянии. После окончания этой некороткой, но и вправду торжественной, незабываемой процедуры молодые вместе с гостями отправились пешком через полгорода к ратуше, а оттуда в ресторан «Антониус», который, говорили, еще с давних, досоветских пор

славится французской кухней. Этот свадебный вечер в ресторане им придумал и загодя организовал Федор Иванович, а если за дело берется бывший бравый военный, то все крепости ему нипочем и всё у его ног.

Да, хорошей получилась свадьба, торжественной, но не шумной, даже почти спокойной. Ну а как иначе, если за столом одни эстонцы (кроме двух русских – отца невесты и ее жениха)? А эстонцы, как известно, люди воспитанные, не слишком эмоциональные. И Сергею это нравилось – то, что свадьба вот такая.

Он смотрел на свою прекрасную невесту (то есть уже жену, если по-христиански), смотрел на гостей и замечал, что они частенько с неким любопытством поглядывают на Федора Ивановича. И Сергей догадывался почему. Несомненно, думал он, это тэди рассказала им, приглашенным ею своим знакомым и соседям на дому, что это – тот самый русский оккупант, который в 44-м спас ее семью от Сибири, а потом увез молодую сестру тэди в Москву, там женился на ней, у них родилась дочка, наша чудесная Агне, лютеранка, которая и решила венчаться в нашем храме. Наша Агне – вон она с женихом и с отцом, то есть этим нашим спасителем. Вот такой оккупант, такая любовь, а любовь – она от Бога и Святой Девы, которым, в отличие от людей, безразлично, кто ты есть и откуда родом.

Вот на этом, если помнить, о чем мы говорили в начале

нашей истории, на этом и поставим точку – на венчании и свадьбе. Потому что дальнейшее – это уже совсем другое, что читателя волнует почему-то меньше. Ведь всякая жизнь после брака похожа одна на другую, а вот их начало у всех интересно по-своему. Вот и у наших героев вышло так – интересно и по-своему.

У девушки с острова пасхи...

*У девушки с острова Пасхи
украли любовника тигры,
Украли любовника в форме полковника
и съели в саду под бананом...*

*Начало трагической и веселой песни, которую,
бывало, мы пели вечерами у костра.*

Автор

Когда он появился в нашем третьем классе, его усадили за стоявшую передо мной парту, справа, и, вскидывая голову, мне приходилось как бы отстёгивать его из кадра, однако этот молчаливый персонаж продолжал постоянно присутствовать в реальном кино моей жизни.

1

Этой весной всё вышло поздно. Поздно случились последние заморозки, почти в конце марта, поздно отбаловали холодные ветра. И хотя еще в середине марта прилетели передовые грачи и жаворонки, да не тут-то было: кругом снега.

Однако вскоре все-таки появились первые проталины, но не в лесу, а возле оттаявших дорог в полях. Вот тогда-то и пошел большой перелет: уже не передовые, а основные отряды весенних птиц. Большие стаи летели – с солидными, гортанными криками «кrrа». Они чернели на фоне мутной голубизны ломкого неба. Значит, все-таки весна.

А снег лежал долго, особенно в лесу меж стволами, в оврагах и низинах, по берегам ручьев, звук которых был слышен, но сами они еще невидимы. Однако всё бухло, бухло, под ногами уже проваливалось, на снегу чернели упавшие ветки, шишки, обрывки сосновой коры, и постепенно снег становился крапчатым, низким, осевшим, тяжелым, он набухал водою, напитывался ею и медленно таял. Воздух был полон влагой и запахом сырой земли. Земля уже пахла, а это означало, что скоро придет пёрло.

Да, Андрей так и сказал, втянув носом воздух: «Поздно нынче, эта весна поздно, но уже пёрло». Я не понял, и он пояснил: «Пёрло – это понятие такое. Значит, пошло-поехало, уже не остановишь никаким заморозком. Так и называется –

пёрло. Существительное такое, наше, природное, свойское, однако ж всем понятное, – и повторил со вкусом: – Пёрло, существительное! – потом добавил: – Теперь набух пойдет».

Ну, тут я догадался – про набух.

Через два дня мы собрались на ручей за дальней просекой, и Андрей притащил мне из сеней бахилы. Он называл их броднями. «И что? – покачал головой. – Ну бродни, а можно и болотники, это в какой местности как принято. Ты надевай, короче, пригодится, воды много».

Я надел бродни поверх ботинок, надел Андрееву куртку с капюшоном, и мы вышли из дома, а точнее, из избы, хотя это каменка, а не сруб. Каменка была с большой печью, которая служила не только для обогрева, но и для уютного сиденья возле заслонки, а готовил Андрей на газовой плите от баллонов.

В тот день особенно остро пахло – снегом, сырой землей от проталин. Мы шли, и Андрей говорил:

– А никуда оно не денется! Как равноденствие свершилось, так уже никуда. Нынче какой год? Високосный. А в високосные года равноденствие приходится на 21 марта, если помнишь. Ну весеннее равноденствие, само собой. Это значит, солнце уже пересекло небесный экватор. И прикатилось из южного полушария в наше, северное. Это у них, которые ходят вверх ногами, всё наоборот: у них мартовское равноденствие считается осенним, а то, которое в сентябре, – ве-

сенним. Представляешь, поэт? Вот так-то. Одна земля, а всё наоборот, так и эдак. Почему? Одни верят, другие знают. И не желают понимать друг друга, а иногда и глотку готовы перегрызть чужаку. Да? Именно. Скажи спасибо, в одном мы схожи: когда равноденствие, то для всех человеков по всей планете день равен ночи. Ну так везде, кроме полюсов вообще-то, но на них, слава богу, никто не живет. Однако забавно, да?

– Что забавно? – спросил я машинально, поскольку больше следил за своими ногами, чтобы попадать в след Андрея, шедшего впереди по снежнику.

– Забавно то, что дурь большая в людях, поэт. Ты с этим тезисом согласен?

Наконец вот и просека. Куда она ведет, я, понятно, не знал, но Андрей сказал, что стоявшие на ней столбы ЛЭП тянутся на какую-то секретную станцию – может, атомную, может, не атомную, а просто секретную, то есть такую, про которую никому знать не положено. А еще секрет в том, что никто за этой ЛЭП не следит и тут не бывает. Поставили – и стоит себе. То ли идет по ней ток, то ли нет. Неизвестно. А когда неизвестность, то и тайна.

Просека довольно узкая, но все-таки после леса тут – пространство. Нечто уходящее в никуда. На проводах обосновалось несколько сорок. Сидят молча – кажется, думают.

– Во-во, красавицы черно-белые! – кивнул на них Андрей. – Умницы и хитрюги. Никуда не улетают, живут осед-

ло. Умом пищу добывают. И очень верные – выберут пару, и до конца. А густых лесов избегают, простор любят, чтоб не запутаться крыльями и большим хвостом. Поэтому гнезда строят на окраинах лесов или вот как здесь, недалеко от просеки. А еще – интимная деталь, слушай. Женихуются они, то есть выбирают пару, еще на первом году жизни, а вот приступают к спариванию только в два года. Во как! Целый год живут вместе – и ни-ни. А уж потом – интим и постройка гнезда. Интересно, да? Вот так бы и у людей!.. Нет, у людей всё начинается с секса, особенно в наше время. Хотя бывают исключения, да.

Тут, помянув про исключения, он резко замолк, я догадался почему, и дальше мы шли, уже не переговариваясь.

Пересекли просеку, углубились в заснеженный лес. Осины, ели, опять осины, всякие кустарники, а там, где повыше, сосны. Вот и овраг, по дну которого тот самый ручей, который мне хотел показать Андрей. Хотя овраг более походил на ложбину, узкую, длинную, медленно поворачивающую туда-сюда. Ручей внизу быстрый, говорливый, то широкий, то совсем узкий, в некоторых местах и перепрыгнуть можно. Чернеет освободившаяся водица между полосами снега на берегах. Чернеет, и не то что говорит-журчит, а поёт. Но на одной ноте. А если в воду упала крепкая ветка, то поет на двух или трех нотах, потому что один поток огибает эту ветку, а другой ее перепрыгивает.

Андрей бросил поперек узкого места пару толстых сучко-

ватых веток, потом еще столько же.

– Нам на тот берег. Переберешься, барин? Вон там, за склоном, полянка, там кладка поленьев. Еще с осени осталась. Перезимовала, значит.

Я почти не замочил бахилы-бродни, и, поднявшись по склону, мы вышли на полянку. Снегу тут было совсем немного, а сбоку меж стволами действительно стояла кладка, или поленница, как уточнил Андрей.

– Ага, стандартный способ. Построить поленницу штабелем. Так вернее, если для хранения под открытым небом. Хоть верхние намокают, зато остальные не мокнут, а подсыхают. И зимуют нормально. Проветриваются... Вот мы сейчас и костерок заладим. Поленья – это быстро и жарко. Давай-ка я займусь. Настрогаю одно полешко, а дальше остальные займутся – и вперед. Возжечь костер – святое дело!..

Это вышло у него быстро. Мы уселись на бревно рядышком с огнем и наблюдали, как медленно образуются уголья. И слышали, как в поленьях посвистывает-попеваает. Это из-за сырости все-таки. Огонь невысокий, но жаркий. И долгий.

Андрей извлек из кармана своей военной куртки плоскую бутылку виски. Свинтил крышку, протянул мне. Потом из другого кармана достал два небольших яблока. Положил их на бревно между нами.

–пей, поэт, это я с оттуда привез. Так и лежала два года, тебя дожидалась.

Я понял. Сделал большой глоток, передал ему бутылку и

взялся за яблоко.

– А чего ж ты сам не пил, виски все-таки? – проговорил жуя.

– А не пью почти. Но если иногда, то водяру. Зимой, как находишься по морозу, на ночь. Но редко. Не тянет... Привез мне один генерал пару бутылок в качестве презента, вот мне и хватило надолго. Да и ты привез нынче... Ладно, твое здоровье, брат!

Он булькнул, затем аккуратно навинтил крышку и убрал бутылку в карман. Объяснил:

– Это ж виски, черт его дери, его в тепле держать надо, а не в снег ставить. Вот в пустыне с этим нет проблем: всунул в песок, и нормально. Или просто на воздухе оставил – не охладится.

Вслед за мной он захрустел яблоком. Я молчал, мне было хорошо, особенно после виски. Хотя виски и снег под ногами – это забавно. Андрей будто ухватил эту тему:

– Виски и снег – очуметь можно, да? Но русский человек все пережить может. А в пустыне я привык к виски. И знаешь почему? От жары спасает. Чесслово! Мне там рассказывали, это от колонизаторов осталось – такая привычка, то есть от англичан, которые там протекторат имели более века. А что делать – жара, племена кругом, только и попивай, сидючи в гамаке и командуя поклонниками ислама.

Мы сделали еще по глотку, потом закурили. Все хорошо. Тишина, прозрачно, остро пахнет тем самым набухом, о ко-

тором сказал Андрей, уголья потрескивают у ног, холодно, а тепло.

Докурили, бросили окурки в угли, поднялись, потому что Андрей, как выяснилось, не показал мне чего-то самого главного. Мы пошли вёрхом вдоль ложбины по течению ручья, вторя его поворотам. Минут через пятнадцать лес расступился, а ложбина будто вытекла в ровное место. Возникло пространство, и в его низу я увидел почти что озеро.

Ну, не озеро, конечно, а долгая поверхность воды, почти окружность, почему-то выпуклая. Мы стали на берегу, и я спросил:

– Это как?

– Это только в максимум таянья. То есть не озерцо, а набух, я ж тебе сказал. Через пару недель спадёт, опять будет речей как ручей. А сейчас набухло, растеклось по низинке. Как блюдце, да? И прет, прет! Пёрло. Выпуклый мениск, так это называется в гидродинамике, в отличие от вогнутого. Физики, чего они только не придумают! Будто вода выпрыгнуть хочет из самой же себя, тужится. Набухает, как тесто в опаре. Или это как линза, да? А в ней небо отражается. И увеличивается.

Да, про небо – это точно. Небо висело в этом озерце, холодно отражаясь в нем. Андрей хмыкнул:

– Хочешь быть счастливым? Стань между ними и загадай желанье. То есть повисни между небом, которое сверху, и небом в воде. Понял? Как это принято у людей: если стать

или сесть между двумя людьми с одинаковыми именами и загадать желанье, то сбудется. Могёшь, поэт? Али летать разучился?

– Мало выпил, чтобы летать. Всего-то два глотка виски.

– А, ясно. Намекаешь? А по трезвухе – что, никак? Какой же ты поэт?!

– Может, и никакой.

– Брось! Это кто ж знает, кто ж знает, покуда ты живой? Вот помрешь – и выяснится, да не на поминках, а много после. Впрочем, это банальная истина... Ну, посмотрелся на чудо этой весной? Тогда пошли, если летать не будешь...

Все-таки я промок. Не то чтобы очень, но носки оказались мокрыми. Андрей кинул мне пару своих, шерстяных, валявшихся на печке. Они были еще теплыми.

– А у тебя?

– У меня нормально. Я ж в сапогах. Незаменимое произведение – яловые сапоги. Это не кирза какая-то. И не твои ботинки. Ладно, одевайся, и ужин готовить будем, уж вечер. Сейчас печь залажу по такому случаю. А ты, будь другом, сходи в сени и притащи оттуда бутылку твоей водки, я туда ее поставил, чтоб тут не грелась, а ещехвати полешек, сколько донесешь. Только бутылку не разбей по дороге!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.